

ПРОЗА

О ЛЮБВИ

И БОЛИ

АЛЕКСАНДР
СНЕГИРЁВ

*Нефтяная
Венера*

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С53

Новая редакция романа

Художественное оформление серии *П. Петрова*

В оформлении переплета использована репродукция
картины *А. В. Тыранова* «Крестьянский мальчик,
пускающий мыльные пузыри»

Снегирёв, Александр.

С53 Нефтяная Венера / Александр Снегирёв. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Александр Снегирёв: Проза о любви и боли).

ISBN 978-5-699-91233-9

«Юноша и девушка, едва перешагнув пубертатный возраст, полюбили друг друга. На девушке это соответствующим образом сказалось — она понесла и родила ребенка-дауна. Влюбленные в ужасе — психическая травма, истерика, раздор. От ребенка они отказываются — никто не согласен жертвовать своей молодой, ничем не примечательной, но все-таки единственной жизнью ради безнадежно больного отпрыска. В результате родители юноши берут внука-дауна на воспитание. ...Главное же, что происходит и захватывает читателя в книге, — процесс очеловечивания главного героя через общение с капризным, обидчивым, неполноценным и, в общем-то, нечеловеческим (но при этом все-таки родным) существом Ваней. И Ваня при этом тоже очеловечивается. Очеловечивается, не меняясь, — метаморфозу претерпевает не персонаж, а отношение к нему читателя, в чьем сознании автор производит явственный сдвиг. ...Роман сильный. Очень сильный».

П. Крусанов

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Топорова А., послесловие, 2016
© Снегирёв А., текст, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91233-9

Моей семье

Римме Казаковой

*Спасибо Ольге Столповской
за помощь в работе*

ЧАСТЬ 1

— Ха-мам под ключ, — читает по слогам Ваня, глядя в окно. Мы проезжаем мимо ангаров, увешанных рекламой. Чтобы успеть за вывеской поймать улетающие буквы, Ване приходится расплющить физиономию о боковое стекло.

— Что такое ха-мам?

— Баня турецкая.

— Ха-мам, ха-мам, хамам! — Ваня приноравливается к новому слову, твердит его без остановки.

— А что значит «под ключ»?

— Они целиком построят хамам и выдадут ключ. А тебе надо будет только там париться. В этом хамаме.

— В хамаме, — повторяет Ваня. — Хамама!

Слово его смешит, он пробует его, произносит на все лады. Тонким голосом, басом, растягивая звуки или, наоборот, скороговоркой:

— Хамама, ха-а-а-м-а-а-м-м-м-а-а-а, хмама!

Шофер «Газели» делает радио погромче. Ваня принимает вызов:

— Хамам, хамам, хамам!!! — орет он, перегибаясь через меня к шоферу.

— Хамам, — пискливо кривляюсь я в ответ, оттянув пальцами уголки глаз. Типа я китаец.

— Хамам! — зловеще трубит Ваня мне в лицо, сделав большие глаза.

— Слышь, потише! — рявкает наконец шофер, собираясь сплунуть, но не сплевывает.

Корчу гримасу, будто ужасно испугался, Ваня хохочет. Оставшийся путь преодолеваем без приключений. Вот уже и старый забор нашей дачи.

— Остановите здесь, — говорю шоферу. — Земля не промерзла, застрянем.

— Открывай ворота, — раздраженно буркает шофер.

Мы вполне можем донести вещи от «Газели» до дома, не заезжая на влажную лужайку. Хоть и начало декабря, но погода апрельская.

— Застрянем!

— Сам разберусь! — Мы в глазах шофера два ни на что не годных идиота. Куда нам знать, проедет он или нет.

— Не надо ехать, колефа будут букфовать, — вмешивается Ваня, теребя ухо и глядя вниз и в сторону. Он всегда шепелявит, когда волнуется.

Шофер издает глухое рычание. Яжимаю плечами.

— Ладно, Вань, дяде виднее...

Ваня находит ручку, тянет ее на себя, дверца открывается. Пыхтя, он вываливается из кабины.

— Мокро!

— Вот тебе ключ, отпирай дом.

Эти шоферы грузовиков люди особые, никто им не указ. Помню, я был ребенком и родители заказали грузовик — перевезти старую мебель. Водила не послушал моего отца, пришлось вызывать трактор, чтобы его вытащить. Лет пять назад, когда ремонтировали фундамент, «КамАЗ» с песком приехал прямо во время дождя, вопреки предупреждениям, и застрял до вечера. Пришлось откапывать все четыре колеса, следы колеи видны до сих пор.

Снимаю холодный замок с ворот. «Газель» катит поперек участка к дому. У самой веранды забуксовывает. Шофер газует. Колеса прокручиваются.

«Еще один умник», — я не спеша прохожу мимо.

Шофер выскакивает из кабины, оглядывает колеса, увязшие на треть в сырой земле.

— Сначала разгрузимся, потом будем тебя вытаскивать, — пришло мое время командовать. Я оплачиваю доставку и разгрузку.

Совершив долгожданный плевок, шофер откидывает тент. Кое-какая мебель из бабушкиной квартиры. Две старые разобранные темно-коричневые кровати, большое мутное трюмо со сколом, табуретка, торшер и румынский полированный комод с выдвигающимися ящиками. Взяв спинку кровати, поднимаюсь по ступеням, пересекаю веранду. Ваня все еще возится с входной дверью.

— Пап, замок сломался!

— Дай-ка мне, — поставив спинку кровати на пол, наваливаюсь на дверь плечом, поворачиваю ключ. — Прижать надо чуть-чуть.

С этой дверью и раньше возникали проблемы. Помню, как приехал сюда с подружкой. Предполагался романтический уик-энд. Однако наши планы чуть не рухнули, пол на веранде перекосило, широкая доска выперла выше уровня порога, и дверь перестала открываться. Пришлось два дня лазать через окно. Впрочем, мы спальню особенно и не покидали. Теперь такое не случится, родители отремонтировали фундамент, пол больше

не перекашивает. Просто дверь старая, свое-
нравная.

Заходим в прохладную темную комнату.
Резкий яблочный запах. В сентябре мы с
Ваней разложили урожай на полу, теперь
возим понемногу в город.

— Открывай ставни, — руковожу я.

Протискивается шофер, обхвативший ру-
ками румынский комод.

— Куда ставить?

— Сюда, — киваю на место у стены, под
выцветшей репродукцией Ренуара.

Голая «пышка» сидит на разбросанной
постели вполборота к зрителю. Все цве-
та, кроме синего, выгорели еще до моего
рождения. Синяя краска в советских типо-
графиях была самой стойкой. Странно, что
не красная. Не могли производство стойкой
краски идеологически правильного цвета на-
ладить. Из-за таких мелочей Союз и рухнул.
Лицом и прической «пышка» напоминает
мать, ребенком я считал, что это ее портрет.
Накатывают воспоминания, но я их быстро
блокирую в воображаемом бетонном мешке,
как радиоактивные отходы, и бросаю в вооб-
ражаемую же пропасть.

Минут за десять мы с шофером перета-
щили весь груз в дом. Я расплатился, и он

вернулся к «Газели» решать, как выбраться из раскисшей земли.

Сам виноват... Только лужайку разворотил.

Вани нигде не видно. Одна из голубых ставень приоткрыта, остальные — нетронуты. Сбежал, пока мы разгружались. Опять торчит у дороги, подбирает всякую всячину. Обочина как берег моря — всегда есть шанс что-нибудь найти. Осколки фар, колпаки от колес, а если повезет — даже целехонькое боковое зеркало. У Вани уже собралась внушительная коллекция. Он настаивает, чтобы переправить ее в городскую квартиру, а я делаю все, чтобы находки оставались здесь, в дачном сарае.

Я щелкаю шпингалетами окон, дергаю на себя слипшиеся рамы, отпираю замки на ставнях, толкаю створки. Земля заштрихована сухими травами. Сороки сверкают темно-синими шелковыми перьями и белыми манишками. У соседского забора торчат несколько засохших дудочников ростом с человека. У каждого дудочника один большой венчик-голова и венчики-руки по бокам. Дудочники напоминают старых дружков, кинувшихся навстречу друг другу с распростертыми объятиями. Стволы сосен и осин ды-

шат бархатной влагой. Они будто вырезаны из ворсистой бумаги и наклеены на пейзаж. Летом деревья высохнут на солнце, порыжеют, обнаружат морщины и трещины, станут похожи на людей, расставшихся с юностью. Но пока они, перепутав зиму с весной, еще нежны и ранимы.

В другом окне покосившийся сарай с приставленной к стенке лестницей. Овраг, за которым расположен любимый Ваней поворот дороги, зарос ивами. Ветви сливаются в дымку. Прямо перед домом — «Газель», зарывшаяся носом в грунт.

Ставлю чайник, принимаюсь растапливать печку. В доме паровое отопление, но без огня дача не дача. Любуясь на разгорающееся пламя, вижу на одном из поленьев мечущегося паучка. Бедолага, затаился в щели, а теперь пытается выбраться. Хочу выдернуть полено с паучком из топки, но он вдруг ныряет в самое пекло.

Спускаются ранние зимние сумерки. Буксы «Газели» звучат отчаянно. Насытившись мстительным удовлетворением, выхожу по мочь.

— Не идет?

— Скользит, падла! Резина летняя. Как по соплям.

— Кирпичи надо подкладывать...

— Деревяшки лучше, — шофер принимается запихивать под колеса чурки из поленицы. Заводит мотор. Я знаю, без кирпичей не выберешься. Колеса прокручиваются, чурки такие же скользкие, как земля.

— Домкрат в землю уходит... — жалуется шофер.

— Доску подложи...

С этими упертыми водами волей-неволей станешь спецом по вытаскиванию грузовиков из грязи. Особого ума не надо, просто дело не терпит спешки. Если бы шофер поднял сразу все четыре колеса, а не только задние, и подсунул бы под них кирпичи, а не скользкие березовые поленья, то уже катил бы домой.

Впервые за весь день он слушает моего совета, заползает с домкратом под брюхо еще глубже погрузившейся в землю «Газели». Я подтаскиваю несколько кирпичей, сложенных аккуратно в стороне. Много лет назад их привезли с развалин церкви. Кирпичи крупные, с налетом трехсотлетней известки, точно итальянские хлебы, обсыпанные мукой.

Мимо проскочил Ваня с какой-то рамкой. Размером в полтора обыкновенных листа

для принтера. Вряд ли это очередное сокровище, выброшенное волнами автомобильного движения. Небось на помойке в овраге нашел.

— Чаю попей! — крикнул я вдогонку.

Колесо поднялось над грязной, прокрученной ямкой. Пальцы замерзли, будто в них вонзили множество тупых игл. Куртку я снял, проще работать. Ветер задувает под свитер. Смотрю на небо. Уже много дней оно затянуто серой пеленой, и вот вдруг пелена рассосалась. В просвете над лесом плавится розовое закатное озеро с золотой каймой.

— Рука! — крикнул шофер.

Я едва успел отдернуть руку. Домкрат сорвался. Колесо разломило пополам кирпич.

Сверху доносится нарастающий гул. Пузо самолета, то появляющегося, то исчезающего, словно рыбина, в низких рваных облаках, окрашено золотистыми лучами. Раньше я часто летал на самолетах, смотрел на малюсенькие домики внизу. Теперь я сам внизу, копаюсь обледенелыми пальцами под чужим грузовичком, а там, в салоне, пассажиры усердно сглатывают, чтобы не заложило уши, ждут, когда подадут ужин, предвкушают отпуск, переговоры, покупки, измены, встречи с любимыми.